

Содержание

ВЛАДИМИР ГРИГОРЬЕВ. Десять лет без права на ошибку 7

БОЛЬШАЯ КНИГА

ПРОЗА

- ЮРИЙ БУЙДА. Светом и жаром 13
- ДМИТРИЙ БЫКОВ. Жалобная книга 37
- ЕВГЕНИЙ ВОДОЛАЗКИН. Трамвай через Неву 53
- ДАНИИЛ ГРАНИН. Молоко на траве 79
- АЛЕКСАНДР КАБАКОВ. Мюр и Мерилиз 88
- ВЛАДИМИР МАКАНИН. Отец 105
- ВИКТОР ПЕЛЕВИН. Сотворение Кижа 137
- ЕВГЕНИЙ ПОПОВ. Слезы радости 160
- ЗАХАР ПРИЛЕПИН. Спички и табак, и все такое 185
- ДИНА РУБИНА. Тополев переулочек 201
- ВЛАДИМИР СОРОКИН. XXXIV 225
- МАРИНА СТЕПНОВА. Боярышник 233
- ЛЮДМИЛА УЛИЦКАЯ. Бумажное время 245

БОЛЬШАЯ КНИГА

NON-FICTION

- ПАВЕЛ БАСИНСКИЙ. Случайные спутники 279
- СЕРГЕЙ БЕЛЯКОВ. Птица-тройка,
или Несбывшееся пророчество Гоголя 292
- АЛЕКСЕЙ ВАРЛАМОВ. О Пушкине поневоле 322
- ЛЕОНИД ЗОРИН. Московский дебют 348
- АЛЕКСАНДР ИЛИЧЕВСКИЙ. Мир как книга 384
- РУСТАМ РАХМАТУЛЛИН. Над потопом 424
- ЛЮДМИЛА САРАСКИНА. Большие книги моего детства 447
- АЛЕКСАНДР ТЕРЕХОВ. Тот самый Бабаев 472
- ВЛАДИМИР ШАРОВ. «Я прожил жизнь...» 498
- МИХАИЛ ШИШКИН. В лодке, нацарапанной на стене 523
- ЛЕОНИД ЮЗЕФОВИЧ.
Александрия, или Роман как странствие 534

БОЛЬШАЯ КНИГА

ПОБЕДИТЕЛИ

ДЕСЯТЬ ЛЕТ БЕЗ ПРАВА НА ОШИБКУ

Дорогой читатель, ты держишь в руках необычную книгу. В ней мы собрали произведения 24 авторов, каждый из которых является лауреатом Национальной литературной премии «Большая книга», – своего рода «прозаическая сборная» по русской литературе. Большинство рассказов, эссе, биографических очерков написано специально для нашего издания. По причинам вполне понятным мы, чтобы дать слово всем победителям, ограничились «малым жанром», уверенные, что эффект узнавания писателя и ощущение приятного послевкуся непременно произойдут, – ведь хороший знаток вина по одному глотку определит благородный напиток.

Национальная литературная премия «Большая книга» стартовала десять лет назад. Название премии весьма амбициозно, если под большим понимать Книги с большой буквы, которые невозможно не заметить в нынешнем литературном пространстве и которые (не без основания) претендуют на то, чтобы в будущем составить «золотой фонд» русской литературы XXI века.

Вот так, не больше и не меньше.

Логично возникает каверзный вопрос: «А судьи кто?» Кто и на каких весах возьмется взвесить настоящее и будущее нашей литературы? Мало ли было авторитетных жюри и компетентных экспертов в других премиях?

Собственно, с этого вопроса всё и началось чуть более десяти лет назад.

Автор этих строк многие годы путешествует на джипах по разным странам и континентам с группой известных российских предпринимателей. Это, конечно, не «Кэмэл Трофи», но все же до-

ВЛАДИМИР ГРИГОРЬЕВ

Десять лет без права на ошибку

статочное жесткое, порой даже небезопасное испытание, подпитывающее адреналином офисных работников.

Так вот, во время путешествия по мексиканским штатам от океана до океана, знакомства с древними цивилизациями и культурами майя и Теотиуакана, кто-то из нас вспомнил мемуары Кортеса, и – логично – мостик сам собой перекинулся к нашим отечественным первооткрывателям. Дальше – больше. Споры о месте в мировой литературе Карлоса Фуэнтеса, Октавио Паса и Хуана Ореолы плавно перетекли в бурное обсуждение: а есть ли у нас сейчас писатели, которые продолжают славные традиции Великой русской литературы XIX–XX веков?

Удивительное дело: оказалось, никто не может вспомнить имена трех-четырех последних победителей самых значимых литературных премий страны. И вот тут-то и замаячило в воздухе: а не замахнуть ли нам на?.. Просвещенное отечественное предпринимательство в лице Виктора Вексельберга и Михаила Фридмана истово поддержало идею создания новой литературной премии.

Мы настолько увлеклись идеей, что уже на следующий день начали обзванивать московских коллег и друзей, и буквально через 48 часов был создан «Фонд поддержки российской словесности», в который согласились инвестировать, кроме вышеозначенных, Роман Абрамович, Александр Мамут, Альфред Кох, Борис Йордан, Михаил Куснирович и Юрий Заполь. Остались детали: написать положение о фонде, определиться с процедурой, временем, местом, регламентом работы экспертов и жюри, что и было сделано буквально в течение двух недель по возвращении в Москву. Тогда же было решено, что объем премиального фонда должен позволить тем, кому ниспослан свыше удивительный талант разглядеть в обыденном и повседневном черты новых угроз и надежд, сконцентрироваться на своей основной миссии – служить только Литературе и эмоционально всех нас подпитывать. Тогда же был найден ответ на вопрос: «А судьи кто?» Не узкая группа избранных, а литературная академия из ста человек – людей разных профессий, пристрастий и вкусов, «западников» и «почвенников», «державников» и «либералов». Каждый – профессионал в своем деле, доказавший не только свою компетентность, но и любовь к русской литературе. При такой представительности (плюс тайное голосование) возможности для кулуарных договоренностей были

ВЛАДИМИР ГРИГОРЬЕВ

Десять лет без права на ошибку

исключены с самого начала. И списки номинантов на премию тут же заиграли новыми гранями и именами.

В них нашлось место всем талантливым и ярким представителям нашей словесности: и академическому Алексею Варламову, и ниспровергателю авторитетов Владимиру Сорокину, и яростному Лимонову, и мудрой Улицкой, и саркастичному Пелевину, и стильному Шишкину, брутальному Прилепину, таинственному Водолазкину, который развеял своим «Лавром» ложное представление, что «народ не поймет», беспощадному и пронзительному Юрию Буйде, Павлу Басинскому (в тандеме с Львом Николаевичем) и Людмиле Сараскиной (с Федором Михайловичем и Александром Исаевичем).

А в перечне лауреатов – произведения маститых писателей содействовали с книгами молодых: «Асан» Владимира Маканина с «Каменным мостом» Александра Терехова, «Все поправимо» Александра Кабакова с «Персом» Александра Иличевского, «Даниэль Штайн, переводчик» Людмилы Улицкой с «Женщинами Лазаря» Марины Степновой. Авторитетность имени мэтра не служила гарантией попадания в шорт-лист.

Открывая новые имена и поощряя мастеров за вклад в литературу и за честь и достоинство (а в этих специальных номинациях «Большой книгой» были награждены Наум Коржавин, Андрей Битов, Валентин Распутин, Илья Кормильцев, Александр Солженицын, Борис Васильев, Фазиль Искандер, Даниил Гранин, Евгений Евтушенко), премия изначально ставила перед собой задачу привлечь внимание читателей, издателей – как отечественных, так и зарубежных, и в не меньшей степени медиа – к литературе на русском языке. Для «Большой книги» не существует границ – любой автор, пишущий на русском, может стать победителем. А наша задача – не упустить главного, сделать из этого событие года, десятилетия, а может – и эпохи.

Представленный вашему вниманию сборник делится ровно пополам: проза и non-fiction. Вы, конечно заметите, что в нем пунктиром проступает внутренняя тема – книги, литература. В рассказе Юрия Буйды «Светом и жаром» – тяга подростка к чтению, пронесенная им через всю жизнь. Дмитрий Быков в «Жалобной книге» в гротескной форме рассказывает о закоренелом цинике, которому страшной ценой приходится разочароваться в своих убеждениях. «Молоко на траве» Даниила Гранина – о юности, проведенной на войне. Парафраз на тему культовых «Покровских

ВЛАДИМИР ГРИГОРЬЕВ

Десять лет без права на ошибку

ворот» в автобиографическом рассказе Леонида Зорина «Московский дебют». Герой Александра Кабакова, как водится, погружен в чувственный мир вещей, последнее его увлечение – редкий «Каталог Мюр и Мерилиз» за 1913 год. Евгений Попов в рассказе «Слезы радости» иронично вспоминает о советском и делится впечатлениями о нынешнем «литературном контексте». «Тополев переулок» Дины Рубиной – любовная драма с ностальгической ноткой об уходящей старой Москве. Историк и автор биографии «Гумилев сын Гумилева» Сергей Беляков в «Птице-тройке, или Несбывшемся пророчестве Гоголя» делает попытку художественного и психологического анализа русского и украинского национальных характеров. Александр Иличевский в эссе «Мир как книга» ощущает литературу историческим свидетельством и одновременно музеем на примере судеб Д.Хармса, М.Булгакова, В.Хлебникова, Л.Толстого, А.Чехова. Рустам Рахматуллин метафизически связывает московские Воробьевы горы с жизнью русских писателей – И.Тургенева, А.Герцена, Н.Огарева. «Я прожил жизнь...» Владимира Шарова посвящено творчеству писателя Андрея Платонова. «В лодке, нацарапанной на стене» Михаил Шишкин раскрывает тему языка как сущности национального характера и идеологии. Леонид Юзефович в эссе «Александрия, или Роман как странствие» вводит читателя в лабораторию писателя, который является одновременно и историком.

Все тексты сборника ненавязчиво перекликаются между собой, иногда даже создается ощущение, что идет живой диалог: один автор заканчивает, другой органично подхватывает тему или спорит. Такая гармоничность стала возможной благодаря высокопрофессиональной работе Елены Шубиной, моего близкого друга; судьба подарила нам долгие годы продуктивного творческого сотрудничества еще со времен взлета издательства «Вагриус».

«Большая книга» за десять лет стала действительно Большим событием в литературной жизни страны. Все атрибуты налицо: большие авторы, большое жюри, большой призовой фонд, большой авторитет, большое внимание медиа. Остается лишь пожелать большому кораблю большого плавания и на следующие десять лет.

*Владимир Григорьев
Председатель Совета
Национальной литературной премии «Большая книга»*

БОЛЬШАЯ КНИГА

ПРОЗА

ЮРИЙ БУЙДА

Светом и жаром

В конце нашей улицы стоял клуб бумажной фабрики – двухэтажное здание из красного кирпича под черепичной крышей, с зарешеченными окнами и летней верандой, обращенной к старому парку. Высокие вязаы, могучие дубы, густые заросли орешника, извилистые оплывшие траншеи, в которых после дождя можно было найти патронные гильзы, простреленную каску или неразорвавшуюся гранату с длинной деревянной ручкой. Весной 1945-го немцы пытались здесь, в этом парке, остановить советские войска, наступавшие на Велау и Кёнигсберг с востока, вдоль железной дороги, со стороны Гросс-Егерсдорфа, где за двести лет до того, в августе 1757 года, полуголодные

солдаты Апраксина и Румянцева разгромили прусскую армию Левальда...

Добрую половину клуба занимал зал с паркетным полом и высоким потолком. В этом зале трижды в неделю крутили кино – на «Трех мушкетеров», «Крестоносцев» или «Бродягу» с Раджем Капуrom билеты продавали не только в ряды, но и стоячие, то есть люди соглашались весь сеанс подпирать стену, а мальчишки запросто устраивались в проходах на полу.

По большим праздникам здесь проводились торжественные собрания – с речью директора бумажной фабрики, раздачей почетных грамот и премий под духовой оркестр, под тот же самый оркестр, который играл на всех похоронах, с концертом художественной самодеятельности, гвоздем которого были «Катины трусы»: в финале танцевального номера красавица Катя Недзвецкая так самозабвенно кружилась на одном месте, что ее юбки поднимались почти до пояса.

А после собрания и концерта все шли в буфет. В этой маленькой комнатке с прилавком помещались человек десять, если буфетчицу Зину, состоявшую из огромной груди и огромной задницы, считать за одного человека, а считать ее надо было за пятерых. Когда она подавалась к клиенту всем своим декольте, у мужчин, набивавшихся в буфет, начинали слезиться глаза. Схватив свои сто пятьдесят и конфетку, они бежали на лестницу или вниз, в бильярдную, где обычно и завершался вечер – под стук шаров, в папиросном дыму, крики и хохот игроков.

По субботам и воскресеньям здесь устраивались танцы. Из зала выносили кресла, на сцене включался проигрыватель или магнитофон, и сотни парней, принявших для храбрости портвейна «три топора», и сотни девушек, закапавших в глаза для привлекательности атропина, выходили на паркет. Танцев было два – быстрый и медленный. Твист и

Юрий Буйда

Светом и жаром

пареньки в коротких обтягивающих брючках и остроносых туфлях вскоре уступили шейку и мальчикам в клешах и с волосами до плеч, а на смену девушкам в блузках и туфлях-лодочках пришли босые пьяненькие оторвы в мини-юбках.

Медленные танцы были самым важным номером программы. Именно тогда и выяснялось, что Галя любит Мишу, потому что позволяет ему прижиматься и класть руку на попу, и Вере остается либо врезать изменнику Мише каблучком по яйцам, либо оттаскать Галю за волосы, либо поссорить Костю и Олю, после чего Костя, конечно, добавит «трех топоров» и попытается оттереть Колю от Ксаны, и вся эта история естественно перейдет в драку с участием множества парней и девушек, которые будут бегать с криками по старому парку, кататься по земле, биться на дамбе, тянувшейся вдоль реки, или пускать в ход штакетины, с треском выдранные из заборов по нашей улице...

Я приобщился к клубной жизни благодаря родителям – они брали меня с собой на торжественные собрания, поскольку дома оставить меня было не с кем, а потом стали давать деньги на кино. Однажды отец взял меня в библиотеку.

Фабричная библиотека занимала две комнаты, тесно заставленные полками с книгами. У входа стояла конторка резного темного дерева с настольной лампой и бронзовым чернильным прибором. За конторкой восседала величественная старуха Парамонова, костлявая и страшная. Ее внук нечаянно убил своего отца из охотничьего ружья, с перепуга спрятал тело в подвале, где мыши обглодали его добела. Старуха несколько дней ловила мышей, наевшихся человеческого мяса, «чтобы было что хоронить»: голые кости закапывать было стыдно. Но хоронить мышей ей не позволили родственники. С той поры она была немножко не в себе – то ни с того ни с сего смеялась, то вдруг начинала